

Приходской листок
храма иконы Божией Матери
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА
Патриаршего подворья в Очаково-Матвеевском
в г. Москве

Выпуск № 18 от 30 июля 2016 г.

О несении Креста

Крест наш состоит в страхе Господнем. Поэтому как распятый не может двигаться, как бы ему хотелось, так и мы свою волю и желания должны направлять не к тому, что нам приятно и что льстит нашим похотям, но по закону Господа, с Которым мы сораспялись. И как пригвожденный ко кресту не думает о настоящем и предметах своей страсти, не заботится о завтрашнем дне, не желает владений, не гордится, не спорит, не ревнует, не скорбит о настоящем, не помнит прошедших обид, но считает себя умершим для всего вещественного, думает только о том, куда он пойдет через несколько минут, так и мы, пригвоздившись к страху Господню, должны умереть для всего, то есть не только для мирских пороков, но и для всего мирского, и обратить все внимание туда, куда можем в каждую минуту переселиться, ибо таким образом мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

То, что не слышно в шуме обычного дня

То, что не слышно в шуме обычного дня, ночью слышно отчетливо. Хотя бы поезда. Вот они бегают то и дело один за другим по мосту через реку в паре километров от моего жилища. Но днем стук их колес мне не слышен. Зато ночью, стоит выключить свет и лечь в кровать в умолкнувшем доме, сразу расслышишь: «ту-тух, ту-тух, ту-тух, ту-тух». Это они – товарняки и пассажирские, обнаруженные ночной тишиной. Их шум зазывает. Он говорит о том, что где-то есть, кроме твоей, еще и другая жизнь, пестрая, многоглазая, со своими целями и смыслом. И пока ты лежишь на смятой простыне, кто-то движется к неизвестной цели, глядя в окно или читая книгу.

Кроме поезда ночью слышно совесть. Она может надевать маски и разыгрывать спектакль из сновидений, то пугая, то удивляя образами, то утешительно глядя по голове. Она может тебе припомнить прошлое, словно говоря: «А ничто никуда не делось, и у меня все ходы записаны». Она специалист по части вызывания дрожи и (или) холодного пота. А иногда она просто вдруг как блеснет в сумеречном сознании молнией отчетливой мысли! «Я вор», или «Так больше жить нельзя!», или «Жизнь прожита! И ничего не сделано!» Или еще как-нибудь. Но в любом случае коротко и беспощадно. Точно как молния.

И это тебе не «ту-тух, ту-тух» ночного товарняка с лесом и углем в двух километрах от дома. Это такое ночное упражнение для брюшного пресса, при котором ты в секунду переламаешься пополам и из положения лежа переходишь в положение сидя. Человек рванулся, сидит в темноте и слушает, как бьется его собственное сердце. «Я вор, – повторяет он то, что сообщила вспышка совести. – Почему, собственно, вор? Это ошибка. Я ничего, по моему, не воровал...»

Это «по-твоему». На самом деле воровал. С момента вступления в смышленный возраст ты только и делал, что воровал. У себя самого воровал. Например, время и силы. На что потрачено время? По каким ручьям растеклось и обмельчало то глубокое озеро сил и энергии, бывшее – я же помню – в юности и молодости? Ты помнишь, как Буковски, злоязычный Буковски, хулиган Буковски, но всё же проникновенный и ранимый Буковски, спрашивал свои руки? «Руки мои, что вы делали всю жизнь? Вы могли бы сделать меня известным пианистом, а вы... Вы завязывали шнурки, подписывали чеки, сливали воду в

унитазе...» И он еще говорит пару крепких слов, без которых не может жить, но это не меняет смысл. «Эх вы, руки. Я потерял вас. Как, впрочем, и мозги, и все остальное». Человек, говорящий в таком тоне со своими руками, не может по временам не ругаться от сердечной горечи. Вот он сидит, как старик, свесив ноги с кровати и опустив голову, и говорит со своими руками, ногами, глазами, совестью.

Вы, руки, могли бы быть руками атлета или ювелира. А еще лучше – хирурга или хотя бы садовника. А вы, глаза, могли бы наблюдать за звездами. Или, высмотрев в мире что-то достойное крика: «Остановись, мгновенье!», могли бы заставить руку вооружиться кистью и карандашом, чтобы сделать из меня художника. Вместо этого куда вы глядели, куда глазели, глаза мои? Два моих ненасытных и непоседливых близнеца, слабеющие с годами? А вы, ноги? Где вас всю жизнь носило? По каким лестницам вы сбегали и поднимались, какие пороги обивали, какую глину месили и какую пыль поднимали? Несли ли вы меня только туда, куда надо, или по вашей милости я блуждал и запутывался? Про язык я молчу, ибо сей карлик кругом виноват. Он слабее рук и ног. Ушей и глаз хотя бы по два. А язык один. Но и в этом гордом и слабом одиночестве он натворил больше всех, командуя руками, направляя ноги, обманывая сердце.

И кто стерпит стыд этих вопросов, кроме того, у кого нет совести? А ведь я еще сам себя у Бога украл. Именно так – сам себя у Бога, а не только силы и время у себя самого. Он меня зачем-то создал, и эти руки, и эти уши, и эти мысли, и это сердце. И ждал Он наверняка, что я собой распорядюсь правильно. По-канцелярски скажу: «распорядюсь с учетом интересов производителя, то есть в данном случае Создателя», что было бы законно и справедливо. И ждал Он, и ждет до сих пор, наверно, и от рук моих, и от глаз моих, и от уст моих чего-то важного, чего никто больше, кроме меня, не сделает. А я не дую в поседевший ус и делаю вид, что моя жизнь только мне принадлежит. Какая глупость! Чушь какая! Как будто это я сам себя создал!

Ну так скажи же мне, раз уж Ты разбудил меня среди ночи, раз уж Ты прошиб меня холодным потом и заставил вздрогнуть... Скажи мне, чего Ты хочешь от меня и что мне делать? И не поздно ли я спохватился обо всем этом думать и обо всем этом спрашивать? Скажи мне. Есть надежда? Надежда есть, а?

«Ту-тух, ту-тух». Это уже пассажирский несет в себе студентов на сессию, рабочих на вахту и еще прорву разного люда с мешками, пакетами, сумками и чемоданами по разным местам. И каждого по своим делам, какие у каждого, несомненно, есть и о которых Он все знает. Знает и не спешит говорить. Ждет, пока Его начнут спрашивать. Спрашивать долго, настырно, иногда почти безнадежно, а иногда горячо и требовательно, до усталости, до изнеможения. Скажи мне. «Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою» (Пс. 142: 8).

Прости меня. Потерпи меня. Сохрани меня.

«С кем ты там разговариваешь?» – «Да ни с кем. Спи».

Ночью так отчетливо слышно то, что не слышно в шуме обычного дня.

Протоиерей Андрей Ткачев

Изречения преподобного Иосифа Волоцкого

«Отбрось временное - и получишь вечное. Отдай малое — и получишь великое».

«Кто милует убогого, тот Богу в займы дает».

«Не паси Пастыря, будучи овцой».

«Прежде вечного покоя не почивай, прежде вечных благ — земных не насыщайся».

«Если не будешь услышан – благодари и продолжай молиться, чтобы быть услышанным: нужно и то и другое – и получать, и не получать. Бывает, что лучше не получить: если бы просимое было нам на пользу, то Бог дал бы».

Адрес: г. Москва, Мичуринский пр-т (Олимпийская деревня), напротив вл. 15.

Сайт: <http://hram-kupina.ru> E-mail: hram-kupina@mail.ru